

Сибирская гастроль

Первым зарубежным исполнителем, побывавшим на этих днях с гастролью в Красноярске, закрытом для капиталистического Запада, стал известный певец из Австрии Борис Рубашкин. С огромным успехом прошедшие концерты артист так и заканчивал: «Спасибо тебе, Красноярск, что ты открылся для Бориса Рубашкина...»

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ встретился с певцом и попросил его ответить на вопросы для читателей «Рабочей трибуны».

— Еще в студенческие годы я заслушивался многими вашими песнями, особенно такими, которые примыкают к фольклору. В популярной когда-то песенке «Чубчин», исполняемой вами, надо сказать, с блеском, есть и такие слова: «Но я Сибири, Сибири не страшусь, Сибирь ведь тоже русская земля...» Оправдала ли она, Сибирь, ваши ожидания?

— Можно сказать — да. В минувшем году я впервые приехал с гастролью в Россию, и дал в различных городах страны 85 концертов. В том числе — в Новосибирске, Барнауле... Увиденное просто потрясло: такие просторы... Все это надо беречь. А то вышел ненароком на барнаульские улицы, а дышать нечем. В эту же поездку по городам Сибири я дам 30 концертов...

— И как вас принимают?

— Великолепно. Я, конечно, знал, что меня здесь помят, но чтобы до такой степени... Хорошо, что перестройка раскрепостила людей, дала им возможность, ни от кого не таясь, выражать свои чувства.

— Борис Семенович, можно несколько слов о себе?

— Конечно. Родился я в семье донецкого казака и с детства любил танцевать, петь, да и вообще моя карьера профессионального артиста началась как солиста танцевального ансамбля. Танцую, окончил в Праге и экономический институт. Потом перебрался в Австрию, где и живу вот уже чуть ли не тридцать лет. Все решает господин случай. Как это часто бывает, привел он меня, никому не известного оперного солиста, в небольшой заштатный рестораник, где за дружеской бутылкой я и начал подпевать своему приятелю-болгарину протяжные русские песни. Их услышал владелец ресторана, предложил выгодный контракт. Вечером я пел в опере, а ночью, бывало до самого утра, у него в заведении. Появились деньги, а с ними и свобода выбора. Купил в Зальцбурге дом, стал записываться на пластинки. И вот уже столько лет гастрольную по свету — по восемь месяцев в году не бываю дома. Бросаю одни чемоданы, хватаю другие... Но о выборе не жалею. Пел в той же венской опере с такими известными исполнителями, как Атлантов, Нестеренко...

— А как воспринимается русская песня за рубежом, у тех, кто не знает языка?

— С большим интересом. Причем как в Европе, так

и в Южной Америке. Конечно, тамошний слушатель абсолютно не знает, кто такой Стенька Разин. Но человеческие чувства, выраженные в песне, близки и понятны ему. К каждой такой песне я даю свое небольшое словесное трактование — говорю я на семи языках. Ну а все остальное — дело техники. И что бы там ни говорили, а русская песня — это ни на что не похожий, особый пласт общечеловеческой, мировой культуры.

— Нынешняя гастрольная поездка в нашу страну — вторя в вашей творческой биографии. Почему так мало? Не пусали?

— Представьте себе... В 1982 году я впервые приехал в Советский Союз в качестве туриста и заявился на студию грамзаписи «Мелодия» с предложением: дайте возможность «встретиться» с русским слушателем, не все же ему черпать из зарубежных источников. Не договорились... Вы, мол, поете блатные песни... Да, пою, но не блатные, а так называемые песни портовых городов, которые рождаются и в Марселе, и в Одессе. Но, помимо них, у меня есть и целые песенные циклы на стихи, скажем, Сергея Есенина, других русских поэтов.

Вторая попытка завоевать русского зрителя была предпринята чуть позже, в 1986 году, когда я побывал в Советском Союзе с группой своих учеников — я преподаю еще и в народном университете Зальцбургской народной оперы. И тоже — безуспешная: лед, как говорится, еще не тронулся. Только через три года последовали первые гастроли.

— То есть можно сказать, что и вы, австрийский певец Борис Рубашкин — «дитя перестройки». И последний вопрос. Борис Семенович, что бы вы, как певец, пожелали своим слушателям — читателям «Рабочей трибуны»?

— Чтобы они почаще улыбались, правда, не такими улыбками, как в известном на Западе кинофильме «Кубанские казаки». И не теряли оптимизма. Сколько раз, например, я порывался поехать на родину своих предков — на Дон, где у меня и кое-какая родня сохранилась: не пускают! Закрыта пока что для Бориса Рубашкина Ростовская область! Гостиницы, мол, там нет для вас, условий подходящих... Да я, чтобы побывать дома, готов спать на голой земле! А дом для меня там, где звучат родные песни.

В. ПЫРХ.

(Наш соб. корр.)

КРАСНОЯРСК.